

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

ТРАДИЦИИ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ И ИХ ХРАНИТЕЛИ

Ю. А. Петросян
Институт востоковедения РАН
Санкт-Петербург

В российской науке и культуре XIX век — особенный. Об этом сказано и написано немало. Если попытаться сказать об этом коротко, то достаточно, пожалуй, одной фразы — это был век рождения тех культурных традиций, которые стали основой неповторимости культуры современной России. И вряд ли есть какая-либо отрасль науки или область культуры, которая бы не сохраняла эти традиции в России наших дней, и не благодаря, а вопреки историческим обстоятельствам. Не осталось в стороне от этого процесса и российское востоковедение, научные традиции которого начали складываться в самом начале столь значительного для всей российской науки и культуры XIX в.

Подлинным центром формирования традиций научного востоковедения стал созданный в 1818 г. Азиатский музей Академии наук. Общеизвестно, что это новое академическое учреждение в короткий срок превратилось в мирового значения центр собирания и хранения письменных памятников народов Востока. На протяжении всего XIX в. непрерывно шел процесс пополнения коллекции восточных рукописей. Ученые и путешественники, дипломаты и лица духовного звания, военные и коллекционеры, собиратели восточных древностей — вот круг основных дарителей тех рукописных книг, которые составили бесценные коллекции Азиатского музея. Надо отдать должное и царскому правительству, которое многократно выделяло немалые суммы на приобретение рукописей для Азиатского музея. Так, уже в 1819 г. была приобретена ценнейшая коллекция арабских, персидских и турецких рукописей у бывшего французского консула в Алеппо Ж.-Л. Руссо. За нее была назначена большая по тем временам сумма — 36 тысяч франков. Многие известные русские востоковеды (Н. В. Ханыков, В. А. Жуковский, С. Ф. Ольденбург и другие) получали, отправляясь в экспедиционные поездки по странам Востока, немалые денежные суммы для приобретения рукописей и книг для Азиатского музея.

Однако конечно же не собирательская деятельность, при всей ее значимости, закладывала основы научной традиции Азиатского музея. Хранительские функции в Азиатском музее исполнял очень небольшой штат, который имел в первые годы работы музея лишь несколько сотрудников — директор, один хранитель и двое служителей. Несмотря на быстрый рост коллекций рукописей и книг, число хранителей уве-

личилось до трех лишь в 1912 г. Но дело было не в количестве штатных работников, занятых преимущественно хранительскими и административными обязанностями. Научные традиции Азиатского музея зародились и развивались в той среде первоклассных петербургских востоковедов, в том числе и преподавателей Восточного факультета Петербургского университета, для которых изучение рукописей — письменных памятников народов Востока стало делом жизни. Так начал формироваться важнейший принцип российского востоковедения, которое уже в XX в. стали именовать «классическим», — принцип основополагающего значения изучения письменных памятников в качестве главного инструмента познания исторического и культурного прошлого. Так начала складываться важнейшая традиция Азиатского музея — признание за текстом памятника особой роли в востоковедении. В сущности, именно этот тезис отстаивали в своей научной деятельности и сами директора Азиатского музея — арабист Х. Д. Френ, иранисты Б. А. Дорн и К. Г. Залеман, индолог С. Ф. Ольденбург. Исключительную роль рукописной книги в исследовании истории и культуры народов Востока признавали и подтверждали своими трудами многие выдающиеся востоковеды Петербурга, десятилетиями регулярно посещавшие Азиатский музей и изучавшие его коллекции. Именно эти люди составили научное сообщество тех, кого Х. Д. Френ уже через год после создания Азиатского музея призывал посещать музей и пользоваться его научными коллекциями. Х. Д. Френ писал летом 1819 г., что Азиатский музей открыт для всех, кто интересуется восточными народами и их литературой, и читатели здесь «найдут удобства, которые потребны для употребления с пользой рукописей». Молодой директор подчеркивал при этом, что читатель-востоковед «может пользоваться желаемой рукописью во всякое время года».

Среди тех, кто регулярно посещал Азиатский музей и работал с материалами его замечательных коллекций, были ученые, которые вместе с крошечным штатом сотрудников Азиатского музея и формировали его научные традиции. Десятки талантливых востоковедов, трудившихся в Петербургском университете и в ряде государственных учреждений, связали свою научную судьбу с музеем и его коллекциями. Чтобы оценить значение этого факта в истории формирования традиций Азиатского музея, достаточно назвать имена этих людей, известных сегодня всем востоковедам в России и за ее пределами. До преобразования музея в Институт востоковедения (1930 г.) в нем работали с материалами рукописных коллекций такие выдающиеся востоковеды, как арабисты В. Р. Розен и И. Ю. Крачковский, иранисты Ф. А. Розенберг и В. А. Жуковский, В. А. Иванов и А. А. Ромаскевич, А. А. Фрейман и Е. Э. Бертельс, тюркологи А. О. Мухлинский и И. Н. Березин, В. В. Григорьев и В. Ф. Смирнов, историки Ближнего и Среднего Востока В. В. Вельяминов-Зернов и В. В. Бартольд, китаеведы Н. Я. Бичурин и В. М. Алексеев, К. К. Флуг и Ю. К. Шуцкий, маньчжуровед В. Л. Котвич, тибетолог и монголовед Я. И. Шмидт, индолог Н. Д. Миронов.

Примечательно, что всех этих ученых, бесспорно, объединял глубокий интерес к историко-культурному прошлому Востока, к его культурным традициям. Очевидно и другое (об этом свидетельствует научное наследие упомянутых выше востоковедов): все они высоко оценивали роль восточной письменной традиции в исследовании истории и культуры народов Востока. Так они понимали свою научную задачу, так воспитывали и своих учеников. В результате на протяжении всего XIX в. сформировался тот основной принцип, который определил характер научных традиций Азиатского музея, — изучение историко-культурного наследия народов Востока на основе их письменных памятников.

К концу XIX в. Азиатский музей превратился, как было сказано, в одно из самых крупных в мире хранилищ восточных рукописей. В музее царил атмосфера глубочайшего уважения к этим ценнейшим письменным памятникам и к их создателям. На рубеже XIX—XX вв. ученые хранители музея поддерживали активные научные связи с многими рукописными и книжными хранилищами мира. Опытные хранители стремились привлечь в музей научную молодежь, которая могла только в его стенах получить нужные специальные знания, необходимые для работы с обширными рукописными, архивными и книжными фондами музея. Вот как И. Ю. Крачковский, говоря о тогдашнем главном хранителе Азиатского музея Ф. А. Розенберге, характеризовал обстановку в Азиатском музее в 20-х гг. нашего века: широкие научные связи с другими рукописными хранилищами и библиотеками мира, а также подготовка новых работников для музея — знатоков архивных, рукописных и книжных фондов. Ф. А. Розенберг, по словам И. Ю. Крачковского, учредил в музее свою «совершенно своеобразную кафедру». Эта работа по обеспечению преемственности с той поры стала еще одной из важных традиций музея.

В те годы в музее работали многие выдающиеся ученые, посвятившие свою жизнь сохранению и изучению бесценных коллекций. В их числе были Е. Э. Бертельс и Ю. Н. Марр. Вспоминая о работе по размещению и инвентаризации рукописных фондов, Е. Э. Бертельс писал впоследствии: «Для нас обоих это был один из самых блаженных моментов жизни. Все бесконечные богатства этих замечательных коллекций сразу разверзлись перед нами. И каждый день, проведенный за разборкой рукописей и установкой их по старым местам, приносит новые открытия и новые радости». Думаю, что эти чувства близки и понятны тем, кому довелось в 1957—1959 гг. участвовать в работах по созданию того вида нашего основного хранилища рукописей, которое оно имеет в эти дни.

О преобразовании Азиатского музея в ИВ АН в 1930 г. сказано и написано много. В связи с темой данной статьи хотелось бы затронуть вопрос, в какой мере это событие повлияло на традиции Азиатского музея. К сожалению, ориентация нового научного учреждения почти исключительно на изучение проблем современного Востока едва не привела к полному разрыву с традициями Азиатского музея. В 30—40-е гг.

внимание к изучению исторического и культурного прошлого Востока было резко ослаблено, соответственно и снизилось внимание к проблемам восточной текстологии. И все же группе подлинных энтузиастов, в числе которых были И. Ю. Крачковский и И. А. Орбели, В. М. Алексеев и Н. И. Конрад, Е. Э. Бертельс и Ю. Н. Марр, их ученики и ближайшие коллеги, удалось сохранить довольно тонкую нить, связывавшую Азиатский музей с современным российским востоковедением. Дальнейшее плодотворное развитие традиций Азиатского музея началось на рубеже 50—60-х гг., в пору хрущевской «оттепели».

Эта пора принесла неожиданные перемены в жизнь востоковедов, деятельность которых по большей части не выходила в то время за рамки тематики, признанной актуальной в плане практической политики экспертами из соответствующих партийных или государственных ведомств. Не удивительно, что круг тем и проблем классического востоковедения, ориентированный на комплексное исследование историко-культурного прошлого стран и народов Востока, в эти годы не занимал сколь-нибудь достойного места в перечне исследований, на которые партийным чиновникам представлялось целесообразным тратить государственные средства.

Перевод в 1951 г. Института востоковедения из Ленинграда в Москву привел к тому, что ленинградское академическое востоковедение было ограничено небольшим Сектором восточных рукописей, обеспечивавшим главным образом хранительские функции. Надо сразу же отметить, что сотрудники этого сектора А. Н. Кононов и Н. В. Пигулевская, В. И. Беляев и В. С. Воробьев-Десятовский, И. П. Петрушевский и Н. Д. Миклухо-Маклай, З. И. Горбачева и их коллеги и ученики сумели в эти трудные годы сохранить преемственность в деле исследования восточных текстов, которым всегда было сильно петербургско-ленинградское востоковедение и которое традиционно составляло основу исследовательской программы классического востоковедения в России.

1956 год стал особенной вехой в российском классическом востоковедении. Осенью этого года стал формироваться штат Ленинградского отделения ИВ АН СССР, которое возглавил выдающийся востоковед, яркий представитель школы петербургского классического востоковедения, академик И. А. Орбели. В течение трех-четырёх лет сложился молодой и очень, как показали последующие десятилетия, перспективный научный коллектив, состоявший почти целиком из выпускников Восточного факультета ЛГУ, где еще сохранялись традиции петербургской школы классического востоковедения. Так в востоковедение пришли новые люди, для которых изучение письменных памятников и культуры Востока было желанным делом всей жизни. Они знали, как надо исследовать тексты, понимали значение текстологии в контексте комплексного исследования истории культуры Востока.

Скоро (1959—1961 гг.) в витринах востоковедных библиотек появились первые публикации памятников восточной письменности. Это были факсимильные издания ряда уникальных арабских, персидских, турецких, монгольских, корейских и японских письменных памятников

из коллекции ЛО ИВ РАН. Выполнение программы каталогизации и описания фондов позволило перейти к осуществлению следующего важного этапа текстологической и источниковедческой работы — научно обоснованному отбору наиболее ценных памятников для изучения и издания.

Текстологи-востоковеды изучают и издают тексты не только из коллекции ИВ РАН, но и из фондов Российской национальной библиотеки и библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Некоторые разделы текстологической работы опираются и на изданные или микрофильмированные тексты из других коллекций, в том числе зарубежных. Однако программа издания текстов предусматривает главным образом публикацию памятников из коллекции Института востоковедения РАН. Изданы десятки томов арабских, турецких, персидских, китайских, японских и корейских письменных памятников. Так на наших глазах и, что для нас особенно важно, при нашем непосредственном участии, получила новую жизнь замечательная традиция Азиатского музея — от исследования текста к анализу историко-культурного прошлого народа. Нельзя не отметить, что нам в этом очень помогали директора ИВ АН — Б. Г. Гафуров и Е. М. Примаков.

В последние годы, отмеченные огромными трудностями в развитии фундаментальных исследований в российской науке, возникли казавшиеся некоторое время непреодолимыми проблемы с изданием работ востоковедов-текстологов. Но заменившие уныние упорные поиски выхода из сложившейся ситуации дали свой результат. Молодой, успешно развивающийся Центр «Петербургское Востоковедение» начал в 1993 г. выпуск текстологических работ в новой издательской серии «Памятники культуры Востока». Уже изданы тексты (с переводом и исследованием) уникальных памятников на арабском, тангутском и корейском языках, в производстве еще несколько интересных и важных публикаций. Постепенно восстанавливается процесс публикации памятников в издательской фирме «Восточная литература» в Москве. Значительную поддержку петербургским востоковедам-текстологам оказывают Российский гуманитарный научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований.

В 60—90-х гг. сохранение традиций Азиатского музея отмечалось творческой и хранительской деятельностью большой группы исследователей восточных рукописей, труды которых принесли нашей науке мировую известность, закрепили преемственность поколений в российском классическом востоковедении. О. Ф. Акимушкин и А. Б. Халидов, В. Н. Горегляд и Л. Н. Меньшиков, О. Г. Большаков и Е. И. Кычанов, М. И. Воробьева-Десятовская и Э. Н. Темкин и многие их ученики и последователи сумели обеспечить тот высочайший профессионализм, который традиционно отличал ученых Азиатского музея в их исследовательской и хранительской работе.

Хотелось бы отметить, что, при всей значимости наших нынешних материальных трудностей, наиболее важной проблемой ученой деятельности в области восточной текстологии является сегодня подготовка качественной научной смены поколению текстологов-востоковедов 60—

80-х гг. Общее падение престижа научной деятельности в постперестроечной России очень затрудняет решение этой проблемы, но ученые-текстологи старшего поколения не теряют надежды на то, что наша научная среда будет пополняться молодыми людьми, для которых восточные рукописи суть не экзотические листы старинной бумаги, а умные собеседники, всегда готовые поделиться своими, порой уникальными, знаниями. Именно этой молодежи предстоит сохранять и развивать традиции Азиатского музея.

В заключение отметим, что люди, собравшие наши замечательные коллекции, завещали нам их изучать и бережно хранить. Обеспечивая сохранность и должные условия хранения рукописных и архивных фондов, мы в последние годы начали формировать новую традицию — выставочные программы, которые позволили нам обеспечить нормальное функционирование нашего учреждения в условиях все нарастающего финансового кризиса РАН. Париж и Нью-Йорк, Вена и Лугано, Кагосима и Токио — вот наши выставочные маршруты. И дело не только в средствах, которые они принесли и приносят Филиалу. С уверенностью можно сказать, что выставочные программы сделали наш профессиональный авторитет в востоковедном мире еще значительнее. И пусть эта традиция станет в один ряд с другими замечательными традициями Азиатского музея.